

ХРИСТИАНСКАЯ МОРАЛЬ И КОНКУРЕНТНАЯ СИСТЕМА*

Торстейн Веблен

Всплеск интереса к институциональной теории в России произошел в первой половине 1990-х годов в период «великой трансформации». И это не случайно. Многие институционалисты пытались объяснить общественную эволюцию в том числе на основе институциональных изменений. Яркий пример – статья известного американского экономиста, социолога, публициста, основоположника традиционного институционализма Торстейна Бунде Веблена (1857–1929), представившего любопытный анализ институционального устройства западной цивилизации: христианской морали и принципов конкуренции в рыночной экономике.

Профессор Г.П. Литвинцева

В свете нынешних материалистических настроений и нынешнего скептицизма относительно сверхчувственных явлений можно прямо поставить некоторые вопросы, касающиеся христианского религиозного культа. Его судьбы в предвидимом будущем, так же как и его внутренняя ценность для нашей цивилизации, могут быть поставлены под сомнение. Однако аналогичные сомнения не так легко отнести к христианской морали. В некоторых своих элементах эта мораль так глубоко и органично связана со структурой западной цивилизации, что ее удаление означало бы культурную революцию; западная культура потеряла бы свои западные характеристики и опустилась бы до уровня большинства этнических цивилизаций¹. Почти то же са-

мое можно сказать о стремлении к материальной выгоде, которое сейчас управляет экономической жизнью христианских народов и в большей мере направляет движение западной цивилизации, чем собственно экономические закономерности.

Оба являются институциональными факторами первостепенной важности для этой культуры, и практически невозможно определить первичность одного по отношению к другому, поскольку каждый из них бывает доминирующим. Западная цивилизация является как христианской, так и конкурентной (денежно-ориентированной), и бессмысленно спрашивать, насколько существенно ее движение зависит от той или другой из этих институциональных норм. Поэтому, когда обна-

¹ У Веблена термин *Ethnic civilization* означает индивидуальные национально-государственные образования в противоположность таким цивилизациям, как христианская или исламская. Надо

заметить, что Веблен не делает принципиальных различий между цивилизацией и культурой, так же как и между «кодами», «системами» и «способами».

* Перевод О.А. Донских по изданию: Thorstein Veblen. Christian Morals and the Competitive System // International Journal of Ethics. Vol. 20, No. 2, Jan. 1910. Pp. 168–185.

руживается (как доказывают некоторые), что между ними существует неразрешимое противоречие, изучающий эту культуру необходимо сталкивается со следующим вопросом: действительно ли западная цивилизация вырождается и распадется, если одна из двух — мораль конкуренции или христианская мораль — прекратит свое действие?

Обсуждая два способа (две системы) поведения, каждый из них необходимо представить в его наилучшем и наиболее простом виде. И тогда вопрос будет стоять о совместимости или несовместимости основных принципов каждого из них, а не будет вопросом о разнообразных деталях, вопросом об обычной практике поведения христиан, с одной стороны, и конкурирующих предпринимателей — с другой. Разнообразие детализаций и усложнений практически бесконечны у обоих способов; в то же время многие христиане вовлечены в конкурентное предпринимательство, и наоборот. Под влиянием многообразных нужд повседневной жизни как принятые нормы морали, так и нормы предпринимательства не оставляют незатронутыми и чистыми способы поведения. Обстоятельства вынуждают человека все время рассудочно приспособляться и даже идти на компромисс, если он пытается жить в соответствии с принятыми нормами поведения. А обе эти нормы, или оба способа поведения, всегда активно присутствуют в любом современном обществе. Какими бы существенными ни были бы те искажения, те словесные выкрутасы, которым они порой подвергаются в индивидуальной практике, они не будут забыты до тех пор, пока нынешние жизненные схемы радикально не изменятся. Как христианская мораль, так и мо-

раль материальной конкуренции глубоко укоренены в западных жизненных схемах; ведь именно на этих и подобных им мыслительных навыках эти жизненные схемы и выросли. Взятые в своем лучшем выражении, продолжают ли и укрепляют ли они друг друга? Или они действуют вместе, не помогая друг другу и не препятствуя? Или они взаимно подавляют и поражают друг друга?

В свете современной науки принципы христианской морали или материальной конкуренции, как и другие способы поведения, должны быть взяты просто как преобладающие навыки мышления. И в этом случае не нужно принимать в расчет такие вещи, как внутренние качества, уровень обоснованности и т. п. Говоря в человеческих терминах, они представляют собой институты, которые возникли в процессе роста западной цивилизации. Их генезис и становление являются событиями или, возможно, эпизодами в истории жизни этой культуры — навыками мышления, вызванными определенным строем жизни в процессе роста и (в большей или меньшей степени) присущими определенной фазе развития цивилизации. Таким образом, вопрос об их соответствии друг другу или культурным схемам, в которых они действуют, оказывается вопросом о том, какие условия определяют их появление и поддерживают их существование в институциональной форме, какие формы опыта определили их появление в прошлом и каким каждый из них (предположительно) соответствовал. Потребности жизни и формы опыта в сложной культурной ситуации многочисленны и разнообразны, и всегда остается возможность того, что любая конкретная фаза культуры дает начало расходящимся линиям институцио-

нального роста, несовместимым способам поведения. Причем эти способы поведения несовместимы и с самой породившей их культурной ситуацией. Представляется, что мертвые исторические цивилизации, особенно наиболее значительные, погибли именно от этой болезни. Если христианская мораль и материальная конкуренция являются побегам одних и тех же или похожих линий приспособления, между ними предположительно не должно быть несовместимости или расхождения, в противном случае вопрос остается открытым.

Оставляя, таким образом, в стороне все вопросы, связанные с божественностью или сверхъестественностью происхождения духа христианства, так же как и с его истинностью и с истинностью его собственных добродетелей и пороков, нужно исследовать человеческую линию происхождения этого духа, взятого как определенное отношение, принятое в цивилизованном обществе. Детали и вариации многих версий культа и вероучения при тщательном анализе могут быть прослежены ретроспективно до их происхождения от обычаев, навязанных прошлой жизнью цивилизованного человечества. На этом основании их можно оценить с точки зрения их приспособленности к выживанию в изменившихся условиях более поздней культуры, но такое детальное исследование здесь не только не практично, но и не необходимо. Версии многочисленны и разнообразны, но во всем этом разнообразии и несогласованности есть определенные важные общие черты, которые позволяют идентифицировать их в качестве христианских и которые противостоят национальным культам и вероучениям. Существует определенная христианская ин-

тенция, которая пронизывает большинство версий и выделяет их из нехристианского духовного мира. Это, пожалуй, даже более истинно в отношении моральных принципов христианства, чем в отношении общей ткани многочисленных учений и ритуалов.

Определенные первоначальные черты христианского замысла неизменно присутствуют с самого начала и просуществовали в целости, несмотря на изменчивую судьбу, которая поднимала и опускала их, до настоящего времени. Это непротivление (смирение) и братская любовь. Вероятно, можно добавить кое-что еще, но только они являются до определенной степени общими для разных версий христианства, позднего или раннего. Добавление других общих принципов становится спорным и сомнительным (разве что за исключением таких моральных принципов, которые совпадают у определенных национальных культов и у христианства). Даже в отношении двух названных принципов может возникнуть сомнение по поводу того, насколько именно они принадлежат духу собственно христианства, насколько они характеризуют именно его и не относятся ни к каким другим духовным навыкам разума. Но, по крайней мере, можно уверенно считать, что эти принципы являются характерными для христианского духа и что они служат отличительной чертой для его идентификации. С исключением или окончательным устареванием хотя бы одного из них культ больше не будет христианским в принятом значении слова. Очевидно, что должно быть добавлено многое другое, не носящее этического характера, для того чтобы с разумной полнотой очертить христианство: сюда войдут и монотеизм, и грех и иску-

пление, и посмертное воздаяние и т. п. Но названные два принципа немедленно вызывают в уме мысль о христианской морали, они действительно являются тем духовным капиталом, с которого начиналось христианское движение, и до сих пор являются теми чертами, которые позволяют ему выжить.

Общее мнение таково, что эти два принципа не являются простым наследием человеческой природы, врожденными наследственными чертами вида, которые утверждают себя инстинктивно, сами по себе, или проявляют себя в силу простого отсутствия подавления. Именно таково, в сущности, христианское вероучение, согласно которому эти духовные черты являются дарами божественной благодати, а не наследием греховной человеческой природы. Такой подход к их происхождению и их усвоению последующими поколениями в разной степени соответствует этим двум главным столпам христианской морали. Особенно обоснован вопрос в отношении принципа братской любви, или побуждения ко взаимной поддержке. Хотя он кажется специфическим для христианской морали и может служить тем отличием, которое отграничивает ее от значительных нехристианских культов, он тем не менее явно оказывается той чертой, которую христианство делит со многими менее известными культурами и которая не в большей степени характеризует христианство, чем эти другие, предшествующие ему культуры. В предшествующих нехристианских культурах, особенно среди более миролюбивых общин дикарей², что-то подобного рода превалирует про-

сто в силу наследственной склонности; по крайней мере, это в определенной степени свойственно данным культурам независимо от какого бы то ни было вероучения или отмеченного момента обретения божественной благодати. Причем в неясном и неопределенном виде (может быть, спорадически) он повторяется на протяжении жизни человеческого общества так широко, что можно подумать, будто это изначальная видовая особенность, а не продукт христианской культуры. Возможно, не будет преувеличением сказать, что в своих основаниях этот принцип является атавистической чертой, и христианство обрело его в силу культурной склонности к более ранней (миролюбивой) культуре дикарей. Но даже если допустить правомерность такого подхода, подобная культурная склонность не объясняет специфически христианской трактовки этого принципа, так же как и его связи с принципом непротivления. Оба принципа в тесной связи друг с другом появляются в самом начале христианства и, находясь в более или менее неразрывных отношениях, постоянно обнаруживают себя в более поздних перипетиях культа и его моральных установок.

Второй из названных, принцип непротivления и самоотречения, является более значимым в ранних формулировках христианского способа поведения. Его нельзя подобным образом возвести к чертам отжившей культуры, представив в качестве продукта архаической культурной ситуации, как она сложилась в период дикости. Непротivление не обладает чертами повсеместности и спонтанного возобновления и не демонстрирует себя, даже в

сподством присваивающих форм хозяйства – охоты, собирательства, рыболовства.

² Рассуждая о человеческой истории, Веблен пользуется известной схемой Л. Моргана, выделявшего в истории три периода: дикость, варварство, цивилизация. Период дикости характеризуется го-

единичных случаях, в качестве особенностей культур, которые во всем остальном не имеют отношения друг к другу. Особенно это относится к ранним культурам, где наследственные родовые черты должны бы иногда проявляться ярче и в менее изысканных формах, чем на более высоких и более пронизанных условностями уровнях цивилизации. Напротив, он практически полностью принадлежит к более развитым, более жестко организованным цивилизациям, которые обладают последовательно монотеистической религией и до некоторой степени независимой светской властью; и даже и здесь он присутствует далеко не повсеместно.

Очевидно, что христианство при своем возникновении не заимствовало уже готовым этот моральный принцип у тех более ранних культов или культур, у которых оно взяло многое другое. Его не найти, по крайней мере на первый взгляд, ни в иудаизме, ни в классических греко-римских культурах, в которых ничего похожего нет; его не найти и среди языческих древностей тех варваров, потомки которых формируют сегодня основной состав христиан. В то же время у христианства этот принцип обретает свою полную силу уже в период его раннего распространения, и общество обнаруживает такое согласие и такую склонность к его приятию, что кажется, будто человечество уже было готово принять именно такой принцип поведения. Общество, особенно простые люди, жившие в Римской империи, где первоначально и распространялось христианство, явно было настроено на приятие такого морального принципа, или такой максимы поведения. Та же готовность обнаруживается у более отдаленных народов, среди которых христи-

анство распространяется за последующие четыре века.

Любому современному исследователю человеческой культуры эта готовность принять данный принцип (навык мышления) с очевидностью показывает, что та часть человечества, которая таким образом поменяла свои моральные устои на новый революционный моральный принцип, должна была быть подготовлена непосредственно предшествующим опытом, порядком повседневной жизни ближайшего прошлого к такому складу ума, который предрасполагал ее, эту часть человечества, к его принятию. Иначе говоря, они должны были приобрести такое состояние духа, для которого этот новый принцип поведения представлялся разумным, если уж не чем-то само собой разумеющимся. И в дальнейшем, по мере того как соответствующее отношение навязывалось другим, отдаленным народам определенными дисциплинарными мерами, христианство с его евангелием непротивления стремилось распространяться и вытеснять обветшалые культы, которые больше не соответствовали изменившейся ситуации. Но в своем последующем распространении среди народов, не испытавших римского владычества и не приведенных к такому состоянию духа долгим опытом римской дисциплины, христианство меньше привержено принципу непротивления.

Христианство впервые возникло и распространилось именно среди народов, подчиненных римской власти, особенно среди наиболее простых слоев населения, которых систематически и безжалостно превращала в однородную массу твердая рука имперского города. Среди тех, у кого не было прав, которые бы уважались хозяевами. Среди тех, кто были чужаками и фак-

тически преступниками при правлении цезарей. Тех, кто под таким прессом приобрел убеждение, что непротивление является главной добродетелью, если уж не обязанностью человека. Их научили отдавать кесарю кесарево, и они считали, что божье нужно отдавать Богу.

Стоит отметить и тот факт, что, как правило, при своем последующем распространении в регионах и среди людей, не облагодетельствованных римской дисциплиной, христианство принималось пропорционально мере опыта поражения и беспомощной подчиненности, испытанных этими народами, и именно подчиненные слои населения, а не правящие классы, благодарно принимали доктрину непротивления. В отдаленных концах западного мира, таких как Скандинавия и британские страны, где временное пребывание под деспотическим правлением не было правилом и где само оно было менее последовательным и менее жестким, принцип непротивления укоренился слабее всего. В случаях же, когда христианские народы были резко разделены на правящие и подчиненные классы, принцип непротивления принимался низшими, а не высшими классами.

То же самое истинно и для сопутствующего принципа взаимной поддержки. В целом не будет слишком смелым преувеличением сказать, что элементы морального кода, которые отличают христианство от национальных культов, являются элементами плебейской жизни, характерной для народных масс. Что же касается практической морали, то здесь выбор невелик, например, между моралью высшего класса в средневековом христианстве и моралью современного ислама. Только в позднее время после того, как западная культу-

ра потеряла свой аристократически-феодальный характер и стала в своей типической форме (хотя и не во всех своих ответвлениях) вариантом универсальной культуры низших слоев населения, только в этот поздний период принципы морали низших слоев также стали в определенной степени принципами христианского долга; и до настоящего времени эти принципы наиболее сильны среди простонародных приверженцев христианского культа. Христианство же высших слоев населения по своим моральным принципам не слишком отличается от иудаизма и ислама. Мораль высших классов является в меньшей степени моралью непротивления и братской любви и в большей степени является моралью принудительного контроля и доброжелательного попечительства, которые никак не являются характерными чертами христианства, отличающими его от других великих религиозных систем.

Низшие слои населения, испытывавшие разорение и коллективные наказания со стороны Рима (что сделало их склонными к принятию принципа непротивления), как правило, теряли еще и классовые различия и разнообразные привилегии и права, которые у них были до этого. Их уравнивали, обратив в однородную подчиненную массу, где ни группа, ни индивид не могли обрести ничего за счет других и где каждый по отдельности и все вместе ощущало нуждалось в поддержке остальных. Институциональная структура разрушилась, как это бывает при землетрясении. Условные различия, восходящие к прошлому, оказались в новой обстановке непригодными и ничего не значащими. Гордость касты, как и все характерные для разных групп принципы достоинства и чести, исчезли, и человечество осталось голым и

бесстыдным и могло свободно следовать всем побуждениям, унаследованным от неокультуренной человеческой природы, которая вела к братству и христианской благотворительности.

Возвращение к духовному состоянию дикости всегда легко, поскольку оно отмечает подавляющие условности; ведь человеческая натура до сих пор по существу нецивилизована. Способ жизни дикаря, избирательный и приспособляющийся, был, несомненно, наиболее продолжительной и, вероятно, наиболее суровой из всех стадий культурной жизни человечества. Поэтому по своей наследственности человеческая природа была до сих пор и наверняка останется на неопределенное будущее дикой человеческой природой. Это духовное наследие дикости, на которое «остаётся надеяться»³, когда давление условностей ушло или ослабело, представляется благоприятным для двух названных принципов христианской морали, хотя больше для принципа братской любви, чем для принципа непротivления. Это, возможно, и есть главное обстоятельство, которое способствует живучести этих принципов поведения даже в более поздние времена, когда внешние условия открыто им не благоприятствовали и не требовали того, чтобы им продолжали следовать.

Принципы поведения, лежащие в основе денежной конкуренции, – это принципы естественного права. Как таковые они восходят к XVIII веку. Что же касается их включения в набор общепринятых моральных норм и соответствующей практики, и ограничивающего их действие давления, то очевидно, что они являются по-

рождением современной цивилизации, какие бы древние корни им не приписывались в летописной родословной. Относительно них можно сказать и то, что они отсутствуют в структуре жизни и в общепринятых представлениях о правах в Средние века. Свои основания в качестве моральных принципов они находят только в жизни, соответствующей культурной ситуации начала Нового времени. Соответственно, в качестве доминирующих принципов мышления они существуют сравнительно недавно, по крайней мере в своем полном и свободном выражении, даже если те особенности человеческой природы, которые лежат в их основании, такие же древние, как и у всех остальных. Период их роста практически совпадает с философией эгоизма, эгоцентризма, или «индивидуализма», как это менее удачно называется. Это эгоистическое мировоззрение постепенно выходит на первое место в структуре западного мышления в процессе перехода от Средневековья к Новому времени. Оно оказывается результатом приспособления к новым условиям жизни, которые характеризуют Новое время в отличие от Средних веков. Если принять, а это стало сейчас общепринятым мнением, что фундаментальные и определяющие изменения, которые формировали и направляли процессы переходного периода от средневекового мира к современному, были изменениями в экономике, логично предположить связь между этими экономическими изменениями и сопутствующим им становлением принципов современного предпринимательства. Плебейские принципы, хотя и распространенные, но считавшиеся низкими и находившиеся под спудом в средневековье, постепенно выступают на первый план и даже

³ Здесь Веблен обыгрывает английское выражение «Hope springs eternal», которое означает «когда все потеряно, остается только надежда».

начинают определять экономическую жизнь. В результате аристократические и рыцарские стандарты и идеалы постепенно замещаются и вытесняются этим плебейским пониманием того, что хорошо и что плохо в человеческом поведении. Рыцарские каноны разрушительной эксплуатации и общественного статуса уступают место более корыстным канонам эффективности и денежной мощи. Экономические изменения, в первую очередь именно рост ремесла и мелочной торговли, дали этому новому и до сих пор значимому общественному принципу первенство в социальном порядке и в повседневном восприятии, и в определении, что является ценным. Они способствовали росту промышленных городов, развитию рынков, материально-денежной активности индивидуального предпринимательства и инициативы, а также денежной оценке людей, вещей и событий.

Здесь невозможно углубляться в те особенности культуры и человеческой природы, которые развивались в связи с прогрессом ремесла и мелочной торговли и которые привели к упадку средневекового образа жизни и формированию строя современной культуры. Но что представляется совершенно очевидным в росте новой материально-денежной культуры, так это значительная роль конкуренции как в приобретении товаров, так и в их демонстративном потреблении. Денежная эксплуатация достигает такого уровня, что вытесняет рыцарскую форму эксплуатации. Но конкуренция не является единственной движущей силой нового порядка, и, кроме того, она замещает не все каноны поведения и стандарты оценки при новом порядке. На своей ранней стадии, когда доминировали нужды ремесла и мелочной торговли, со-

временная культура формировалась и руководствовалась как необходимостью добывать средства к жизни, так и идеалами дифференцированной прибыли.

Материальные условия новой экономической ситуации не могли сочетаться с институциональными условиями старой ситуации. Новый набор базовых понятий о том, что необходимо и что неправильно, усиленно прививался сообществу, и преимущественно трудовому населению, в чьи руки новые нужды промышленности передавали решающую силу. Два занятия, которые характеризуют современную ситуацию – ремесло и мелочная торговля, и здесь индивид, рабочий или торговец, являются тем главным действующим фактором, чья инициатива, труд, усердие и рассудительность определяют экономическое состояние как их самих, так и общества, и это весьма заметно. Это экономическая ситуация, в которой по необходимости индивид имеет дело с индивидом на основе материальной выгоды; где связи групповой общности, которые контролируют экономические и социальные отношения индивида, сами носят материальный характер. Более того, это культурная ситуация, при которой общественные и гражданские отношения, ограничивающие индивида, преимущественно и во все возрастающей степени формируются денежно-материальными целями и поддерживаются денежными санкциями. Индивидуализм современной эпохи вырастает параллельно с целями промышленности и прокладывает себе дорогу силой производственной эффективности. И после того как индивидуальные отношения в рамках этого строя приобретают денежные формы, выработанный таким образом и вплетенный в ткань современных

институтов индивидуализм оказывается денежным и, следовательно, также типично эгоистическим.

Принципы, управляющие правильным (с точки зрения навыков мышления, родных для эры индивидуализма) поведением индивида, являются эгоистическими принципами естественных прав и естественной свободы. Эти права и эта свобода являются эгоистическими правами и индивидуальной свободой. В конечном итоге они являются свободой и безопасностью личности и денежного обращения. Любопытным фактом, подтверждающим чрезвычайное превосходство плебейского элемента в этой культурной революции, оказывается то, что среди этих естественных прав нет даже намека на те преимущества и недостатки рождения, должности или социального статуса, которые были сами собой разумеющимися для здравого смысла более ранних поколений, выросших под влиянием средневекового общественного порядка. Любопытно, что нет и остатков более древних прав и обязанностей, таких как родовые связи, кровная месть, приверженность клану, которые были столь же самоочевидными в культурные эпохи и на территориях, где преобладали родовые группы или клановые установления. С другой стороны, когда все эти институты (теоретически) потеряли всякий вес в обществе, аналогичные институты собственности стали основой естественного порядка вещей. Система естественных прав является естественной в том смысле, что она совпадает с природой ремесленничества и мелочной торговли.

Между тем с XVIII века, когда система материально-денежного эгоизма достигла своей зрелости, ситуация уже изменилась. Это значит, что изменились материальные обстоятельства и экономическая необходи-

мость и что дисциплина навыков, определяемых изменившейся ситуацией, ведет к несколько иному эффекту. Это следует из того факта, что неприкосновенность и исключительная действенность принципов естественного права начинает браться под сомнение. Превосходство и достаточность просвещенного материально-денежного эгоизма больше не являются самоочевидными для нового поколения, которое переживает эпоху машинной индустрии, кредитов, делегированного управления компаниями, отдаленных рынков. Какая судьба может ждать принципы предпринимательства и навыки мышления, характерные для ремесленной эпохи, в наступающей последовательности экономических изменений, предсказать невозможно. Но, по крайней мере, очевидно, что в дальней перспективе они не могут остаться неизменными и эффективными, если только современное общество не вернется к экономической ситуации, эквивалентной ситуации ремесленничества и мелочной торговли. Ведь наличные принципы предпринимательства по существу есть навыки мышления, определяющиеся жизненными навыками, а жизненные навыки, которые по необходимости должны поддерживать эти принципы и давать им эффективное обоснование в виде убеждений общественного здравого смысла, являются жизненными навыками, возникшими в системе ремесленничества и мелочной торговли.

Таким образом, получается, что эти два способа поведения – христианская мораль и принципы предпринимательства – являются институализированными побочными продуктами двух различных культурных ситуаций. Первый, поскольку он типично христианский, вырос из ужасных и непрочных рабских отношений, в кото-

рых простолюдины находились по отношению к их хозяевам во времена позднего Рима, а также в значительной (хотя несколько меньшей) степени в «темные» и в Средние века⁴. Второй способ, мораль денежной конкуренции – это навык мышления, вызванный нуждами жизни простонародья, руководимого ремеслом и мелочной торговлей, которые дали начало особой системе прав и обязанностей, характерной для современного христианства. Но есть и что-то общее в этих двух способах. Христианские принципы насаждают братскую любовь и взаимную поддержку: люби своего ближнего, как самого себя; *Mutuum date, nihil inde sperantes*⁵. Этот принцип, по крайней мере в своих исходных основаниях, представляется культурным атавизмом, принадлежащим к древней, если не сказать первобытной, миролюбивой культуре ранней дикости. Аналогом этому принципу солидарности и взаимной поддержки в естественном праве оказывается принцип честной игры; он стал принципом, настолько близким к золотому правилу⁶, насколько это может допустить материально-денежная цивилизация. Конечно,

даже самая искусная изобретательность не может превратить один принцип в другой, и, конечно, система честной игры – по существу система конкуренции – не способствует упрочению золотого правила. Но в то же время золотое правило миролюбивых дикарей никогда не теряло уважения западного человечества, несмотря на все превратности культурных изменений. И оно держится сейчас в качестве убеждения даже, возможно, строже, чем в любой более ранний период Нового времени. Оно представляется несовместимым с принципами предпринимательства. Но, видимо, еще более несовместимо оно с принципами поведения, которые правили западным миром в те дни, когда Благодать Бога еще не была замещена Правами Человека. Отвращение к театру современности редко поднимается до точки отказа от мира при новом порядке вещей. Тогда как первый пункт христианской морали, а именно праведный принцип, который внушает смирение, покорность безусловной власти, находит более удобное место в средневековой культуре, более человечный моральный принцип взаимной поддержки менее чужд современной культуре с ее материально-денежной поддержкой самого себя.

Предположительная степень совместимости двух принципов морали может быть показана на сравнении культурных основ, на которых каждый из них вырос и с которыми он сочетается вполне адекватно. При более обобщающем подходе и игнорируя, насколько возможно, детали, мы можем подытожить рост западных принципов следующим образом: ранний христианский принцип смирения, отречения, неприятия и непротивления фактически исчез из морального кода хри-

⁴ Веблен пользуется распространенной в его время концепцией, когда Средние века вообще, но особенно четыре века, следующие непосредственно за падением Западной Римской империи (476 г. н.э.), назывались «темными», поскольку считалось, что лишь к началу Нового времени в Европе забрезжил какой-то свет знания и комфорта. Сейчас эта точка зрения существенно пересмотрена, и не все в это время считается «темным».

⁵ Евангелие от Луки, 6, 35: «...Взаймы давайте, не ожидая ничего;...» В Средние века на основе этого принципа запрещалось взимание процента.

⁶ Золотым правилом называется основной этический принцип христианства, провозглашенный Иисусом Христом в Нагорной проповеди: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки». Примерно на полтысячи лет раньше это правило сформулировал Конфуций.

стиан; в современной жизни он остался лишь в виде некоторой искусственной претенциозности. Условия, в которых он вырос, — откровенный деспотизм и рабская беспомощность, не являются реальными факторами культурной ситуации ни непосредственного прошлого, ни настоящего, но именно в непосредственном прошлом мы должны искать условия, которые сформировали навыки мышления в настоящем. Представляется, что сопутствующий принцип братской любви и взаимной поддержки, по крайней мере в своих основах, глубоко укоренен в особенностях античной культуры в силу того, что очень долгий опыт человечества на ранних стадиях культуры был усилен и определен социальными условиями, преобладавшими в ранней истории христианства. По сравнению с наивными и специфическими формулировками, которые этот принцип получил у ранних христиан, он потерял значительную долю своей силы и оказался в забвении. Сейчас он обнаруживает себя только в процветающей благотворительности и, возможно, в негативном принципе честной игры, но ни то ни другое не может без натяжек считаться выражением христианского духа. Однако этот принцип постоянно подтверждает себя в экономической жизни, в периодическом одобрении всего, что служит общему добру, и в отрицании разрушительного поведения, даже если оно проявляет себя в рамках закона и естественных прав. Действительно, кажется, что это ничто иное, как особое проявление инстинкта мастерства, и как таковое оно обладает несомненной жизнестойкостью, которая является наследием человеческой природы.

Материально-денежная структура человеческого поведения выросла недавно,

но она и является выражением условий недавнего прошлого, а не непосредственного настоящего. Эта система естественных прав, включая право собственности и принципы денежного добра и зла, которые ему сопутствуют, не находит последовательной поддержки в текущих событиях. В условиях, которые превалировали в эпоху ремесленничества, право собственности утверждалось для равенства, а не для неравенства, и поэтому его реализация не была несовместимой с древней склонностью ко взаимной поддержке и братству людей. Это тем более очевидно, если мы будем иметь в виду те специфические формы организации и дух тех инструкций, которые определяли повседневную жизнь. Технология ремесла, так же как и рыночные отношения, характерные для мелочной торговли, выталкивали индивидуального работника на передний план и вынуждали человека думать об экономических интересах в терминах этого работника и его труда; ситуация подчеркивала его творческое отношение к продукту, а также и ответственность за этот продукт и его значимость для общего благосостояния. Это была ситуация, при которой приобретение собственности зависело, главным образом, от доброкачественности производимого продукта и при которой в целом честность была лучшей политикой. В таких условиях принципы честной игры и неприкосновенности собственности были достаточно близки к древнему человеческому инстинкту мастерства, который оправдывает взаимопомощь и служение общему добру. С другой стороны, сейчас текущий опыт человека христианской общины не работает на укрепление навыков мышления, воплощенных в системе естественного права; и практически невозмож-

но представить, что убеждение в добродетельности, достаточности и непоколебимости права собственности могло родиться из того технического и материально-денежного положения дел, которое господствует сейчас.

Таким образом, в настоящем положении дел есть указания на то, что эти принципы – навыки мышления – скорее находятся в процессе дезинтеграции, чем наоборот. С теми революционными изменениями, которые произошли в технических и денежных отношениях, потерялась та близкая и очевидная связь между рабочим и продуктом его труда, которая могла бы убедить его, что продукт принадлежит ему как продолжение его личности⁷; отсутствует и видимая связь между качеством продукта и потреблением; нет этой связи и между личным использованием богатства и общим благосостоянием. Принципы честной игры и распоряжения деньгами по своему усмотрению в значительной степени утратили ту санкцию, ко-

торая была им придана человеческой склонностью к служению общему добру, несмотря на то что эта санкция была нейтральной, даже когда она еще не утратила своей силы. Это особенно ясно с тех пор, как бизнес приобрел характер безличного, бесстрастного, чтобы не сказать безнравственного, инвестирования денег для получения прибыли. В современной ситуации нет практически ничего, что связывало бы естественное право на распоряжение деньгами по своему усмотрению со спонтанной склонностью к братской любви, и в то же время в духовном строе этой ситуации много такого, что ведет к их реальному расхождению. За исключением возможного возврата к культурной ситуации, несомненно отмеченной идеалами конкуренции и статуса, древняя человеческая склонность, воплощенная в христианском принципе братской любви, логически должна продолжать находить почву за счет материально-денежной морали конкурентного бизнеса.

⁷ Здесь Веблен говорит об отчуждении производителя от продукта его труда, которое обсуждалось лидерами социалистического движения во второй трети XIX века и которое стало для К. Маркса исходным пунктом его политэкономической теории.